

Человѣкъ и его положеніе въ пространствѣ и времени *).

Семья человѣчества давно существуетъ на землѣ. Корень ея родословнаго дерева уходитъ въ бездну сѣдой древности. Когда появился человѣкъ на землѣ, никто не можетъ сказать, и появился ли онъ разомъ, какъ говоритъ библія (если ея сказанія понимать буквально), или онъ вышелъ изъ семьи животныхъ, пресмыкающихся или моллюсковъ, путемъ постепеннаго совершенствованія, какъ учитъ современная наука, съ точностію сказать тоже никто не можетъ. Никто также не можетъ сказать и того, гдѣ человѣкъ слился съ животнымъ или амебой и гдѣ онъ вышелъ изъ амебы въ пресмыкающееся животное, потомъ въ четвероногое и изъ животного четвероногаго сталъ человѣкомъ въ его современномъ видѣ. Да для нашихъ разсужденій это и неважно. Для насъ пока достаточно и того, что человѣкъ, насколько онъ самъ себя знаетъ въ прошломъ, существовалъ за все время и историческаго времени и доисторическаго.

Вавилонскія, а также и американскія раскопки въ Юкатанѣ открываютъ намъ доисторическую эпоху существованія человѣка на землѣ. И въ ту далекую пору] человѣкъ предъ нами является уже стоящимъ на довольно высокомъ уровнѣ культуры, такъ что изъ этого ясно можно видѣть, что это не были первые дни его появленія на землѣ. По историческому опыту мы знаемъ, съ какою томительною медленностію человѣчество поднимается по ступенямъ лѣстницы культуры на высоту ея, а отсюда мы смѣло можемъ сдѣлать выводъ, что если во времена доисторической древности Вавилона, Юкатаны, человѣческая культура была высока, то стало-быть, чтобы достигнуть этой высоты ея, человѣку потребовались большія тысячелѣтія.

Ученые такъ это и опредѣляютъ. Они говорятъ, что человѣчество живетъ на землѣ не сотни тысячъ, а милліоны лѣтъ... Неспорно, они могутъ и ошибаться, но тѣмъ не менѣе данныя, на которыя они опираются въ своихъ умозаключеніяхъ по этому предмету, заслуживаютъ значительнаго довѣрія.

Но церковная исторія на основаніи данныхъ библіи, добытой нами отъ евреевъ и грековъ, говоритъ намъ, что и земля-то наша существуетъ всего только семь тысячъ четыреста двадцать второй годъ, а ея возрасту соотвѣтствуетъ и возрастъ человѣчества. Кто ошибается и кто точно говоритъ, не будемъ разбираться, да и надобности въ этомъ большой нѣтъ, но тѣмъ не менѣе я лично, пожалуй, склоненъ скорѣе довѣриться болѣе точнымъ изслѣдованіямъ науки, нежели простому разсказу библіи въ его буквальномъ пониманіи. Я оговариваюсь: этимъ я все же не имѣю намѣре-

*) Помѣщая эту крайне интересную и поучительную статью, мы считаемъ нужнымъ пояснить, что разсужденія автора о дняхъ и процессѣ творенія являются его личнымъ взглядомъ. *Ред.*

нія умалять достоинства библіи, она для меня остается тѣмъ, чѣмъ и всегда была, и потому пусть меня никто не осуждаетъ за кажущееся ума-леніе достоинствъ ея. Если же принять въ соображеніе, что дни творенія по библіи толкуются различно, т.-е. по многимъ—это вовсе не наши сутки въ 24 часа, а каждый день есть большой періодъ времени, въ теченіе ко-торого завершился извѣстный кругъ процесса творенія, то тогда и библія будетъ въ полномъ согласіи съ наукою. Вѣдь говоритъ же писаніе, что у Бога „тысяча лѣтъ какъ день единъ“. Ну и будемъ пока понимать такъ. И вотъ почему: согласитесь сами,—если вы опытный коне-водъ или вообще животноводъ, то вы отлично можете опредѣлять возрастъ лошади или коровы по зубамъ или рогамъ ихъ, не справляясь съ ихъ ме-трикою, и слѣдовательно вы, вооруженный данными вашего опыта, т.-е. наукою, ни за что не повѣрите человѣку, на слово указывающему вамъ возрастъ животнаго ошибочно, или завѣдомо ложно, не тотъ, который есть въ дѣй-ствительности, и притомъ не подтверждающему свои слова достовѣрными данными. Точно такъ же и здѣсь. Какъ вполне возможно съ большою точ-ностью опредѣлить возрастъ лошади по зубамъ, коровы по рогамъ, дерева по слоямъ его, такъ же точно это можно сдѣлать и съ возрастомъ земли по различнымъ даннымъ, ею самою представляемымъ. Вотъ почему мнѣ и хо-тѣлось бы отнестись съ довѣріемъ въ этомъ вопросѣ больше къ людямъ науки, нежели къ разсказу библіи, въ его обычномъ буквальномъ пониманіи, а би-блейскій разсказъ понимать именно въ смыслѣ просвѣщенныхъ толкова-телей его, т.-е. что день творенія библіи—это длительный періодъ времени даннаго процесса творенія. Но я опять-таки повторяю: не въ этомъ дѣло.

Еще отклоненіе отъ цѣли моихъ прямыхъ разсужденій: земля, на ко-торой приютилась человѣческая семья, есть не что иное, какъ огромная глыба шарообразно-треугольной формы. Въ своей самой толстой части она даетъ поясъ въ 37000 верстъ длиною. Эта величина сама по себѣ очень велика. Но дѣло вотъ въ чемъ: эта огромная глыба неисповѣдимыми силами какого-то таинственнаго закона тяготѣнія (такъ это называютъ ученые) держится совершенно безъ всякихъ подпорокъ въ совершенно пустомъ пространствѣ. Какъ и чѣмъ она на самомъ дѣлѣ держится, это пока еще только Богу извѣстно, но то, что она находится въ пустомъ небесномъ пространствѣ, это установлено точно. Ученые назвали эту пустоту міровымъ ээиромъ, предполагая, что эта пустота—вовсе не пустота, а пространство, наполненное какимъ-то ужасно тонкимъ, но притомъ неимовѣрно—твердымъ веществомъ, которое все и всюду собою проникаетъ. Воздухъ, которымъ мы дышимъ, это все-таки есть тѣло, которое достаточно густо, чтобы мы могли его не ощущать. Даже свѣтъ есть матерія—и не такъ ужъ тонкая, хотя неизмѣримо тоньше воздуха, ну, а міровой ээиръ и еще того тоньше, Воздухъ окружаетъ нашу глыбу-землю толщей въ совсѣмъ небольшомъ количествѣ верстъ. Чѣмъ выше мы будемъ подниматься отъ земли, тѣмъ воздухъ будетъ все жиже, жиже и жиже и, наконецъ, онъ переходитъ въ

царство вѣчнаго, міроваго эѳира; въ царство міроваго молчанія—покоя и въ то же время въ царство великихъ бурь и волненій. Пространство царства эѳира безконечно. Въ его безднахъ, силою того же необъяснимаго тяготѣнія, держатся неисчислимыя милліоны и даже не милліоны, а милліарды, точно такихъ же по виду глыбъ, какъ и наша земля, но превосходящихъ ее по размѣрамъ въ тысячи и даже въ милліоны разъ. Это звѣзды, сіяющія надъ нами по ночамъ. Звѣзды—это не что иное, какъ такія же брошенныя въ пространство глыбы матеріи, какъ и наша земля! Пространства между звѣздами невѣроятно велики. Измѣрять ихъ нашими земными мѣрами нѣтъ возможности. Обычно эти пространства исчисляются количествомъ времени, въ какое лучъ свѣта, брошенный въ пространство звѣздою, достигаетъ до нашей земли. И вотъ какъ велики эти пространства: известно, что лучъ свѣта въ одну секунду времени пробѣгаетъ 280 тысячъ верстъ пространства (300 тысячъ километровъ). Теперь обратите вниманіе: есть звѣзды, настолько удаленныя отъ нашей земли, что ихъ свѣтъ достигаетъ до насъ въ три тысячи лѣтъ, въ пять тысячъ и даже болѣе!

Помножьте 5 тысячъ лѣтъ на число секундъ, содержащихся въ нихъ, и полученное число секундъ помножьте на 280 тысячъ—число верстъ, пробѣгаемое свѣтомъ въ каждую секунду, и вы въ ужасъ придете отъ могущей получиться цифры. А между тѣмъ это еще не есть предѣлъ пространства міроваго эѳира: чѣмъ сильнѣе изобрѣтаются зрительныя трубы астрономовъ, тѣмъ глубже проникаетъ въ бездны вѣчнаго эѳира человѣческой глазъ и тамъ, въ этихъ неизмѣримыхъ безднахъ, онъ находитъ все новыя и новыя звѣздныя глыбы. Когда хорошенько вдумашься въ бездну этой безконечности, то невольно умъ цѣпенѣетъ предъ этой неизмѣримостью и предъ еще болѣе Неизмѣримымъ, Непостижимымъ Творцомъ этого неизмѣримаго пространства и въ него разбросанныхъ милліоновъ свѣтилъ—самостоятельныхъ міровъ.

Величіе Творца поражаетъ человѣческой умъ своею непостижимостью, и человѣкъ сразу дѣлается самъ себѣ жалокъ и ничтоженъ. Онъ невольно смиряется въ своей безумной земной гордости и невольно преклоняется предъ величіемъ Творца своего. Такъ вотъ въ этомъ-то вѣчномъ, неизмѣримомъ пространствѣ міроваго эѳира гдѣ-то и брошена наша глыба-земля совмѣстно съ милліардами ей подобныхъ, но болѣе крупныхъ. Вотъ теперь-то и встанетъ предъ умственнымъ взоромъ читателя вся мизерность размѣровъ нашей, казавшейся сначала огромной глыбы-земли, если только мы сравнимъ ее мысленно съ безконечностью пространства и съ количествомъ въ немъ разбросанныхъ свѣтилъ. Ужасно ничтожною покажется намъ она... Это будетъ какая-то жалкая песчинка небеснаго пространства! Пылинка, которую во всякую секунду можетъ превратить въ ничто Міровая Сила или даже простая случайность міроваго событія. Представьте себѣ такую возможность: земля наша когда-то была одно тѣло съ нашимъ солнцемъ; солнце, охладѣвая, сжалось, вслѣдствіе чего отъ него отдѣлилось кольцо

огненной массы. Кольцо въ силу вращательнаго движенія, которое имѣютъ всѣ звѣзды, разорвалось, потомъ скрутилось въ шаръ и образовало нашу землю, а солнце, сжимаясь, постепенно все продолжало выдѣлять изъ себя другія кольца, свертывавшіяся потомъ въ шары, и, дѣлаясь все меньше и меньше, образовало большое пространство между собою и землею, такъ что теперь это пространство отъ земли до солнца измѣряется милліонами верстъ (150 мил. километровъ). Земля потомъ постепенно охладѣла и покрылась корою, т.-е. сдѣлалась такою, какою мы ее знаемъ сейчасъ. Свернувшись въ шаръ и охладѣвъ, земля сохранила за собою то мѣсто въ небесномъ пространствѣ, какое она занимала въ ту пору, когда она была одно цѣлое съ солнцемъ. Теперь получается такое представленіе: она какъ бы виситъ надъ солнцемъ на разстояніи милліоновъ верстъ, виситъ, какъ бы подпираемая лучами солнца, или какъ бы ими отталкиваемая отъ солнца. Но если вдругъ почему-либо случится, что эта подпирающая или отталкивающая сила ослабнетъ, тогда земля съ невѣроятною стремительностью должна будетъ упасть на солнце. И отъ нея и живущаго на ней не останется ни пылинки, ни воспоминанія даже, ибо солнце еще такъ велико и такъ огненно раскалено, что упавшая на него земля въ мгновеніе расплавится до той же раскаленности, какъ и солнце, и все живущее на ней погибнетъ, сгоритъ, расплавится.

Но можетъ случиться и нѣчто другое: въ небесномъ пространствѣ всѣ звѣзды (звѣздами называю въ обычномъ народномъ смыслѣ, по наукѣ „звѣзда“ имѣетъ особое значеніе) движутся въ строгомъ порядкѣ по разъ опредѣленному пути, но тамъ же есть звѣзды, такъ-называемыя кометы, которыя считаются анархистами неба, ибо онѣ возстаютъ противъ вѣчнаго порядка и движутся по путямъ часто совершенно противоположнаго направленія. Въ своемъ движеніи онѣ могутъ, пересѣкая путь хотя бы, къ примѣру сказать, нашей земли, столкнуться съ нею и ее загубить—или разбивъ или будучи болѣе сильными—увлечь ее на свой путь, на которомъ жизнь въ томъ видѣ, какъ она есть на землѣ, невысказана. Да и самыя кометы, предполагается, тѣла раскаленные и, слѣдовательно, земля также должна будетъ раскалиться отъ нихъ, загорѣться и погибнуть.

Много есть и другихъ случайностей, угрожающихъ каждую секунду благополучію существованія нашей земли какъ планеты, а съ нею вмѣстѣ и человѣчеству.

И вотъ на этой-то жалко-ничтожной пылинкѣ небеснаго пространства, не могущей поручиться за секунду своего благополучнаго существованія—со всѣмъ на ней обитающимъ,—и поселился человѣкъ со всею своею безумною гордостью и со всѣмъ своимъ жалкимъ ничтожествомъ въ то же время.

Человѣкъ — это животное, млекопитающее, стопоходящее, травоплодное. Животное хищное и въ ту же пору самое любвеобильное. Живетъ онъ стадами-обществами. Любитъ онъ жаться другъ къ другу съ различными

цѣлями: и съ тѣмъ, чтобы пользоваться защитой себѣ подобныхъ, и съ тѣмъ, чтобы нападать на себѣ подобныхъ, и съ тѣмъ, чтобы вымогать изъ себѣ подобныхъ, и съ тѣмъ, чтобы защищать, и съ тѣмъ, чтобы угнетать. Однимъ словомъ—онъ живетъ сообществами по весьма разнохарактернымъ соображеніямъ и притомъ часто совершенно противоположнымъ одно другому. Человѣкъ—это все, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ — ничто. Онъ вѣнецъ Творенія и въ ту же пору позоръ его. Онъ благословеніе Божіе и въ то же время проклятiе діавола.

Вотъ, какъ о немъ говоритъ поэтъ:

... Какъ капля, въ море опущенна,
 Вся твердь передъ Тобой сія...
 Но что мной зримая вселенна?
 И что передъ Тобою *) я?—
 Въ воздушномъ океанѣ ономъ **)
 Міры умножа миллиономъ
 Сто кратъ другихъ міровъ—и то,
 Когда дерзну сравнить съ Тобою,
 Лишь будетъ точкою одною,—
 А я передъ Тобой—ничто...
 Ничто! Но Ты во мнѣ сіяешь
 Величествомъ Твоихъ добротъ;
 Во мнѣ Себя изображаешь,
 Какъ солнце въ малой каплѣ водъ...
 Ничто! Но жизнь я ощущаю,
 Несытымъ нѣвакимъ летаю
 Всегда пареньемъ въ высоты;
 Тебя душа моя быть чаешь,
 Вникаетъ, мыслить, рассуждаетъ:
 Я есмь—конечно, есть и Ты!..
 ... Частица цѣлой я вселенной,
 Поставленъ, мнится мнѣ, въ почтенной
 Въ срединѣ естества я той,
 Гдѣ кончилъ тварей Ты тѣлесныхъ,
 Гдѣ началъ Ты духовъ небесныхъ
 И цѣпь существъ связалъ всѣхъ мной.
 Я связь міровъ повсюду сущихъ,
 Я крайняя степень вещества,
 Я средоточіе живущихъ,

*) Богомъ.

**) Міровомъ эфирѣ.

Черта начальна Божества:

Я тѣломъ въ прахъ истлѣваю,

Умомъ громамъ повелѣваю...

Я—царь, я—рабъ; я—червь, я—Богъ...

Да, онъ все: и величіе, и ничтожество. И нѣтъ возможности отдѣлить въ немъ великое отъ ничтожества, умъ отъ безумія, разумокъ отъ глупости, смиреніе отъ гордости, любовь отъ ненависти, любвеобиліе отъ кровожадности. Если вы взглянете вверхъ, въ его успѣхи культуры, вы поражаетесь его гениемъ, если вы всмотритесь все-таки въ ничтожество его культурныхъ завоеваній, то вы поражаетесь мизерностью и нищетою его пріобрѣтеній въ наукѣ. Если взглянете въ его могучіе порывы, смѣлые полеты духа въ области высокихъ, благородныхъ идеаловъ, то вы поражаетесь благородствомъ этихъ порывовъ, и если вы рассмотрите его полеты въ области удовлетворенія жизненныхъ инстинктовъ животнаго, то вы брезгливо отвернетесь отъ низости его поступковъ. Тутъ вы его увидите во всемъ ужасѣ животнаго, одареннаго большими способностями дѣлать зло неизмѣримо худшее, нежели на которое способны самыя кровожадныя просто животныя. Человѣкъ убиваетъ, грабитъ, мучаетъ, терзаетъ своего же брата-человѣка и не только въ одиночку, но часто и огромными скопищами. Идутъ огромныя вѣка, человѣкъ какъ будто по внѣшности совершенствуется изъ вѣка въ вѣкъ, поднимается надъ своимъ звѣринымъ инстинктомъ, а на самомъ дѣлѣ, пожалуй, какъ будто еще болѣе звѣрѣетъ и дѣлается еще болѣе кровожаднымъ хищникомъ.

И все это онъ дѣлаетъ изъ простой ненасытимой жадности къ улучшенію своего собственнаго мнимаго благополучія. Изъ жажды богатства, славы и почестей. Предметовъ—въ пространствѣ вѣчности ни на что ненужныхъ, пустыхъ, безплодныхъ самообольщеній.

Разбойники дороги большой и темныхъ лѣсовъ грабятъ и убиваютъ ради денегъ, пьянства и разнузданной воли.

Разбойники столицъ, замаскированные разбойники, грабятъ ради денегъ, пьянства, женщинъ и вообще радостей гнилой „культурной“ жизни столицъ.

Люди рѣжутся, вѣшаются, стрѣляются, рѣжутъ, душатъ и стрѣляютъ другъ друга по всякимъ поводамъ и безъ поводовъ.

Пьянствуютъ, развратничаютъ, наслаждаются мимолетными наслажденіями—и затѣмъ жестоко страдаютъ отъ послѣдствій жизни такой.

Разбойники почестей, славы, высокихъ титуловъ, вліянія и т. п.—съ азартомъ, вперегонку другъ за другомъ, лѣзутъ на лѣстницу славы земной: чиновъ, орденовъ и титуловъ. Сталкиваются другъ друга, топчутъ ногами, сбивая соперника, чтобы самому занять имъ ранѣе занятую выше ступеньку лѣстницы почестей. И это только для того, чтобы одинъ лишь мигъ посидѣть въ славѣ и почетѣ на этой ступенькѣ, а затѣмъ также слетѣть въ бездну вѣчнаго забвенія, уступивъ мѣсто слѣдующему, слѣдующему и т. д. безъ конца.

Человѣкъ подобенъ мухамъ неразумнымъ—что безумно лѣзутъ лѣтомъ на липкій листокъ ихъ привлекающій и убивающій мучительною голодною смертью. Какъ мухи не могутъ научиться горькимъ опытомъ ихъ подругъ, бьющихся въ отчаянныхъ порывахъ освободиться отъ неумолимыхъ объятій клейкой массы и взывающихъ жалобно о помощи, чтобы спастись отъ этой участи, такъ и человѣкъ подобенъ имъ въ своей жадѣ къ деньгамъ, почестямъ и славѣ или вообще къ насыщенію своихъ вождельній: онъ презираетъ все, онъ не видитъ ничего, что сгубило его предшественниковъ, что грозитъ гибелью и ему и, какъ безумный, стремится къ этой гибели. Ни на что, ни на что не обращаетъ онъ вниманія! Онъ не болѣе какъ жалкій микроорганизмъ въ крови его, живущій секунду времени и ведущій борьбу за существованіе съ другими микроорганизмами, также живущими секунду времени. Недалеко онъ ушелъ отъ микроорганизмовъ, ибо и его вѣкъ въ 70—80 лѣтъ—это секунда въ пространствѣ вѣчности.

Не можетъ онъ понять, что вся его безумная гордость, стремленіе къ золоту, славѣ и почестямъ не стоитъ простого плевка. Не можетъ онъ понять, что всякую секунду не только его существованію грозитъ внезапный конецъ, но даже всей планетѣ, на которой онъ пріютился въ небесномъ пространствѣ, не можетъ понять, что всѣ его вождельнія, хотя и осуществленныя, все равно погибнутъ въ вѣчности времени и не дадутъ ему счастья и, понявъ это, отказаться отъ стремленія осуществлять свои безумныя вождельнія—посвятить себя служенію вѣчному, не исчезающему въ пространствѣ вѣчности, служенію духу.

Жизнь человѣка очень ярко рисуется слѣдующей аллегоріей, которая страшно разительнo представляетъ всю ниттсозность его существованія на землѣ: Человѣкъ вель верблюда черезъ пустыню. Верблюдъ взбѣсился и бросился на человѣка. Человѣкъ, спасаясь отъ верблюда, внезапно сорвался и полетѣлъ въ пропасть. По счастью онъ краемъ одежды зацѣпился за сукъ дерева, растущаго изъ расщелины скалы, и повисъ надъ бездною. Съ ужасомъ онъ видитъ, что надъ бездною стоитъ разъяренный верблюдъ, а на днѣ бездны ужасный змій, разинувши пасть, ожидаетъ его паденія въ пропасть. Озираясь, онъ ищетъ спасенія, и къ вящему ужасу онъ видитъ, что сукъ дерева, на которомъ онъ виситъ, попеременно неустанно перегрызаютъ бѣлая и черная мыши. Гибель неминуема.—И вдругъ онъ видитъ на неподалеку растущемъ кусту малины зрѣлыя ягоды. Забывъ свое положеніе, рискуя ухудшить его—и безъ того ужасное, онъ потянулся за спѣлыми ягодами.

Аллегорія толкуется такъ: верблюдъ, пустыня—наша жизнь, сукъ—это наше положеніе на пространствѣ жизни, бѣлая и черная мыши—это день и ночь, неустанно грызущія сукъ нашей жизни. Змій—это смерть. Малина радости жизни.

И вотъ ради нихъ—забывая весь ужасъ своего положенія—и мечется человѣкъ, безпощадно тираня себя и брата-человѣка...

Таково положеніе человѣка въ пространствѣ и времени...

Н. Зенинъ.